

Не только Чу Иньинь была ошеломлена, но и отец Чу был совершенно сбит с толку ситуацией.

Когда Иньинь успела связаться с Цзи Юйцзинем? Но с другой стороны, Цзи Юйцзинь и впрямь много бегал, и даже некоторые зятя не заботились так сильно.

Матушка Чу, напротив, оставалась спокойной. Она лишь слегка нахмурилась, а затем быстро расслабилась.

Чу Иньинь открыла рот, не в силах подобрать слова. Она потеряла дар речи. Что ей следовало сказать?

Цзи Юйцзиню было всё равно, и он даже хотел объявить об этом всему миру, но... Чу Фэнцин не мог этого сделать, потому что у него были родственники — и старые, и молодые, — в отличие от него, одинокого.

Он взглянул на Чу Фэнцина, который почувствовал его взгляд и повернулся, чтобы посмотреть на него. Они посмотрели друг на друга, и Цзи Юйцзинь изогнул губы, беззвучно сказав: «Ничего страшного, я справлюсь».

Он сделал шаг вперёд и сказал:

— Вы неправильно поняли. У меня ничего нет с вашей младшей сестрой.

Чу Фэн нахмурился:

— Тогда что насчёт саше?

Цзи Юйцзинь мгновенно вспомнил саше с вышитым на нём словом «Цин» на прикроватном столике. Оказывается, эта маленькая вещь и была причиной проблемы.

Он покачал головой:

— Я просто случайно взял саше. Увидел вышитые на нём слова и подумал, что оно принадлежит Фэнцину. Я собирался когда-нибудь вернуть его ему, но всегда забывал. Вчера, переодеваясь, отбросил его в сторону и забыл, куда положил. Не ожидал, что это вызовет такое огромное недоразумение.

Он кивнул в сторону Чу Иньинь и сказал:

— Третья юная госпожа Чу, пожалуйста, не обижайтесь.

Чу Иньинь поспешно покачала головой. Зная подоплёку, она немного волновалась за них и снова мысленно обвинила своего старшего брата в случайном сватовстве.

Цзи Юйцзинь снова посмотрел на Чу Фэнцина и с улыбкой сказал:

— У меня плохая память. Я не забуду вернуть тебе саше завтра.

Его причина была очень разумной, и в ней совсем не было ничего неправильного. Всё, что Чу Фэнцину нужно было сделать дальше, — это подыграть и сказать что-то, и дело было бы кончено.

Чу Фэнцин поднял глаза и посмотрел на Цзи Юйцзиня. Когда он впервые встретил Цзи Юйцзиня, это было самое нелепое время в его жизни, а репутация этого человека снаружи была крайне плохой. Можно сказать, что он вошёл в особняк с решимостью умереть.

Он и впрямь был таким же эксцентричным, как о нём говорили, без выражения чувств на лице, и его трудно было понять. Восемь из десяти предложений были проверкой. Как у одного человека могло быть столько трюков в рукаве?

В то время он боялся его, но нельзя было отрицать, что он также зависел от него.

Они вдвоём прошли через много бурь на своём пути, так что теперь ничто не должно было быть для них трудным. Однако дорога впереди, казалось, всё ещё не имела конца.

Цзи Юйцзинь всегда носит красную одежду. Раньше он носил её как официальную, но теперь, кажется, просто привык.

Человек в красном был высокомерен, но он был всего лишь обычным человеком. Насколько он помнил, он, казалось, никогда не делал ничего против своей воли. Он поступал небрежно и никогда ничего не скрывал.

Но в этот миг он, казалось, убрал весь свой извращённый и жестокий нрав, спрятал все свои шипы и снова появился перед всеми, тщательно скрывая то, что Чу Фэнцин не знал, как объяснить.

Так не должно быть.

У Цзи Юйцзиня есть свои грани и углы, которые нельзя сгладить.

Глаза Чу Фэнцина очень светлого цвета. Когда он смотрит на кого-то, это похоже на встречу с чистым родником, который отражает собеседника в мельчайших деталях и не может скрыть слишком многого.

Он вдруг взял Цзи Юйцзиня за руку, посмотрел на него, а затем сказал:

— Старший брат прав, но цель неверна. Это не имеет никакого отношения к Иньинь. Это я держу его за руку.

Его голос был лёгким и чистым, но мгновенно заставил комнату замолчать.

Чу Фэнцин опустился на колени перед отцом и матерью, но его спина была прямой:

— Фэнцин непочтителен и долгое время держал это в секрете от семьи, потому что не знал, как начать разговор.

В комнате, за исключением матушки Чу и Иньинь, лица отца Чу и Чу Фэна стали чрезвычайно уродливыми.

Цзи Юйцзинь на мгновение опешил, в его глазах промелькнул оттенок удивления, и его глаза слегка покраснели. В следующий миг он поднял своё одеяние и опустился на колени бок о бок с Чу Фэнцином.

Солнечный свет проникал через окно. Пара в красном и зелёном — оба были молоды. Они стояли на коленях на полу из синего камня с прямыми спинами и высоко поднятыми головами. Плечом к плечу. Ветер тихо дул, поднимая их чёрные волосы. Пряди волос переплетались в воздухе и наконец сплетались.

Вокруг было так тихо, что почти можно было услышать, как безмолвно течёт время. Казалось, что, пока они стоят плечом к плечу, они могут выдержать любую бурю.

Чу Фэн долго смотрел на них, не в силах вымолвить ни слова, но его сжатые кулаки продолжали издавать скрежещущие, трескающие звуки.

Чу Иньинь облизнула губы и хотела сказать что-то остроумное, чтобы изменить атмосферу в комнате, но чувствовала, что это не подходящий случай, поэтому могла лишь молча молиться за старшего брата.

Руки отца Чу слегка дрожали. Он был чиновником много лет и никогда в жизни не делал ничего выходящего за рамки. Этот случай было очень трудно ему принять. Он никогда даже не видел такого, не говоря уже о том, чтобы это случилось непосредственно с его сыном.

Но, глядя на болезненное лицо Чу Фэнцина, он не мог сказать ни слова. Он стиснул зубы, вздохнул и ушёл, взмахнув рукавами.

Чу Фэнцин опустил глаза. Он не думал, что в этом было что-то плохое. Он просто чувствовал,

что это непочтительно — заставлять своих родителей волноваться о нём в таком возрасте.

Чу Фэн больше не мог смотреть на бледное лицо Чу Фэнцина, поэтому злобно сказал:

— Что ты всё ещё стоишь на коленях? Вставай!

— Цзи Юйцзинь, выйди со мной.

Цзи Юйцзинь помог Чу Фэнцину подняться, наклонился и стряхнул пыль с его колен, ничего не сказал, только улыбнулся ему и последовал за Чу Фэном.

Звук сталкивающихся доспехов исчез за углом, и теперь в комнате остались только трое. Чу Иньинь взглянула на мать, а затем на Чу Фэнцина. Она поняла, что им, возможно, есть что сказать, поэтому нашла предлог, чтобы ускользнуть.

Чу Фэнцин посмотрел на матушку Чу и тихо сказал:

— Матушка, прости.

Матушка Чу ничего не сказала. Чу Фэнцин почувствовал лёгкое беспокойство. Как раз когда он подумал, что матушка Чу рассердилась, она вдруг улыбнулась и сказала:

— Глупое дитя, почему ты извиняешься передо мной?

На самом деле она уже давно знала об этом. Ещё той ночью, когда Чу Фэнцин говорил с ней перед отъездом на помощь пострадавшим, она всё поняла и боролась в душе, но после того, как они пережили жизнь и смерть, это, казалось, уже ничего не значило.

— Мать просто хочет спросить тебя: тебе и впрямь нравится этот человек?

Чу Фэнцин не колебался долго, кивнул и ответил:

— Да.

— Тогда всё в порядке. Люди едят зерно, как же мы можем не иметь любви, ненависти, гнева и невежества? В этих вещах нет ни правильного, ни неправильного.

Матушка Чу помогла ему поправить одежду, её голос был как весенняя морось:

— В нашей династии нет закона, который гласит, что мужчины не могут любить мужчин. Раз

это не против закона, не является злом и исходит из твоего сердца, просто делай это. Жизнь длится всего несколько десятилетий, так делай то, что хочешь, чтобы она не прошла напрасно.

— Просто... — Матушка Чу взяла руку Чу Фэнцина и нежно похлопала по ней. — Дорога впереди длинна, и на пути может быть много трудностей. Мать не может не волноваться о тебе. Мне очень жаль, что мать не смогла дать тебе хорошее окружение.

Все матери в мире боятся, что их дети будут страдать, но путь, выбранный Чу Фэнцином, всегда был полон терний.

Она просто надеется, что Чу Фэнцин будет в безопасности и счастлив.

Чу Фэнцину было трудно описать своё нынешнее настроение. Он никогда не умел хорошо выражать себя. В этот миг он просто нежно обнял свою мать.

Матушка Чу смотрела на юношу, который был уже на голову выше неё, и вдруг вспомнила, каким он был, когда только родился. Он был очень маленьким, не намного больше кошки, с узкими щёлочками между глаз, когда закрывал их. Он и Иньинь родились одновременно, один с оглушительным криком, другой — совсем без звука.

Старики всегда говорят, что один из близнецов умрёт. Она запаниковала и начала плакать, держа младенца. Возможно, новорождённый Чу Фэнцин почувствовал её эмоции и на самом деле открыл глаза, словно стараясь ради неё. Это был величайший сюрприз, который она когда-либо получала в своей жизни.

Императорский лекарь сказал, что это врождённый недостаток и за ребёнком нужно ухаживать. Он балансировал на грани жизни и смерти, пока не встретил божественного врача, после чего его состояние немного стабилизировалось.

В тот миг она сказала, что, пока ребёнок здоров и жив, неважно, будет ли он посредственным или плохим, она лишь надеялась, что Чу Фэнцин сможет выжить.

Она просто не ожидала, что он будет таким выдающимся, и была уже чрезвычайно довольна.

Матушка Чу погладила лицо Чу Фэнцина и сказала:

— Не волнуйся, твой отец — старый консерватор. Подожди, пока я поговорю с ним, и он поймёт.

Чу Фэнцин покачал головой:

— Это дело и впрямь неортодоксально. Я не буду просить всех понять и принять это. Я просто

надеюсь, что родители не будут слишком сильно из-за этого переживать.

После ухода матушки Чу он не видел Цзи Юйцзиня и Чу Фэна до самого вечера. Посреди ночи он услышал шум у окна. Он сразу же встал, не в силах заснуть из-за того, что было у него на уме. Открыв окно, он увидел, что это и впрямь был Цзи Юйцзинь.

На лице Цзи Юйцзиня было несколько царапин и ссадин, большинство из них сбоку на лице, и выглядело это довольно серьёзно.

Он был рождён ярким, и царапина делала его ещё более зловещим. От него сильно пахло алкоголем.

Чу Фэнцин протянул руку и коснулся:

— Старший брат подрался с тобой? И вы пили?

Цзи Юйцзинь кивнул. Он провёл весь день, получая удары, участвуя в скачках и, наконец, в состязании по выпивке. Это было очень захватывающе.

Он сказал негодяйским тоном:

— Вот именно. Чтобы завоевать красавицу, я даже не смею уклоняться. Могу только терпеть.

Он наклонился вперёд и улыбнулся:

— Так что, видя, какой я жалкий, не хочешь ли подарить мне поцелуй?

Чу Фэнцин: «.....»

Этот человек и впрямь... он не знает, что сказать.

Чу Фэнцин оттолкнул его, взял из комнаты баночку с мазью и протянул ему:

— Дважды в день, эта мазь превосходна и не оставит шрамов.

Цзи Юйцзинь взял мазь, подбросил её и бесстыдно сказал:

— К чему столько хлопот? Один поцелуй врача Чу, и моя маленькая рана немедленно заживёт.

Он просто шутил, потому что боялся, что Чу Фэнцин будет волноваться. Однако он не ожидал, что его губы коснутся чего-то мягкого, как только он закончит говорить, и он отпустил, как только коснулся.

Чу Фэнцин легко кашлянул и слегка отвёл взгляд.

Цзи Юйцзинь: «.....»

Почему ему кажется, что он спит?

Цзи Юйцзинь коснулся своего носа, чувствуя лёгкую беспомощность, как кто-то, кто только начал отношения.

Он поднял взгляд и увидел тёмные круги под глазами Чу Фэнцина, и этот намёк на любовь был быстро подавлен им:

— Почему ты ещё не спишь? Уже так поздно.

Изначально он хотел зайти взглянуть на Чу Фэнцина и уйти, но не ожидал, что Чу Фэнцин всё ещё не спал.

— Не разговаривай со мной, иди спать, я посмотрю, как ты спишь, и уйду, когда ты заснёшь. — Сказал Цзи Юйцзинь, затем снова улыбнулся, приподнял брови и сказал: — Не волнуйся ни о чём другом, я всё подготовил.

Чу Фэнцин как раз собирался спросить, что за подготовка, когда услышал голос сзади.

Чу Фэн появился из ниоткуда и усмехнулся:

— Хех, ты хочешь подождать, пока он заснёт, прежде чем уйти?

Он знал, что у этого парня были дурные намерения, и он сбежал, напоив его. К счастью, он был осторожен и не совсем пьян, поэтому погнался за ним, чтобы посмотреть.

Цзи Юйцзинь: «.....»

Чу Фэнцин: «.....»

<http://bllate.org/book/17231/1692229>